

**ВИДИМОСТЬ ПОЛНОМОЧИЙ:
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
(НА ПРИМЕРЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

М. Ю. Рапопорт

Высшая школа экономики

**APPARENT AUTHORITY:
TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF JUDICIARY (USING THE
EXAMPLE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

M. Yu. Rapoport

Higher School of Economics

Аннотация: анализируется актуальная практика Верховного Суда РФ по вопросу видимости полномочий. Высшая судебная инстанция исследует случаи защиты видимых полномочий чаще, чем ссылается на соответствующие нормы. В некоторых делах суд с использованием спорной аргументации приходит к решению, отличному от того, которое было бы принято при использовании доктрины видимости полномочий.

Ключевые слова: видимость полномочий, полномочие из обстановки, представительство, Верховный Суд РФ.

Abstract: it analyzes the current practice of the Supreme Court of the Russian Federation on the issue of the apparent authority. The highest court examines cases of protection of the apparent authority more often than it refers to the relevant rules. In some cases, the court, using controversial arguments, comes to a decision different from the one that would have been made using the doctrine of the apparent authority.

Key words: apparent authority, authority from the situation, representation, Supreme Court of Russia.

Практика применения норм о полномочиях из обстановки, а также видимости полномочий уже была предметом исследования российских ученых. Так, благодаря предшествующим работам стали хорошо известны такие примеры обстановки, как наличие у лица печати организации, предшествующие отношения сторон, место совершения или исполнения сделки и т. д.¹

Между тем за последние два года Верховным Судом России (далее – ВС РФ) было рассмотрено несколько дел, так или иначе затрагивающих видимость полномочий. Как обстоятельства дел,

признанных высшей судебной инстанцией заслуживающими внимания, так и подходы к их решению многообразны и неоднородны. Этот факт, особенно с учетом того, что несколько лет до этого судебные коллегии ВС РФ практически не обращали внимания нормы о полномочиях из обстановки, сам по себе выделяет данные решения из других и является основанием для их анализа. Попытка его осуществить будет принята в данной работе.

На наш взгляд, решения ВС РФ можно разделить на три категории. В первую категорию попадут дела, где суд: а) со ссылкой на нормы о полномочиях из обстановки; б) обсуждает проблематику полномочий на основании видимости. Во второй категории дел суд: а) не ссылается на нормы о видимости полномочий, но: б) решает именно данный правовой вопрос. Наконец, в

¹ См.: Егоров А. В., Папченкова Е. А., Ширвиндт А. М. Представительство : исследование судебной практики. М., 2017. С. 65–77 ; Борейшо Д. В. Обзор практики применения норм о полномочиях из обстановки // Закон. 2020. № 10. С. 60–76.

© Рапопорт М. Ю., 2024

делах третьей категории ВС РФ не ссылаются на соответствующие нормы и не обсуждают видимость полномочий, хотя этого требуют фактические обстоятельства дела.

Наличие как минимум трех указанных категорий дел вызывает известные методологические сложности, связанные с поиском релевантной судебной практики. Этим объясняется внимание именно к решениям ВС РФ, поскольку в силу их относительной немногочисленности возможно найти след нужных судебных актов², в то время как на уровне нижестоящих инстанций эта задача выглядит нереалистичной. Однако с большой долей вероятности можно предположить, что практику нижестоящих судов можно категоризовать аналогично.

Для целей данной работы под видимостью полномочий мы предлагаем понимать ситуацию, при которой объективно неуполномоченное лицо, чьи полномочия уже прекратились или вообще не возникали, действует в гражданском обороте таким образом, что у добросовестного третьего лица возникает ложное впечатление о том, что оно взаимодействует с надлежаще уполномоченным представителем. При этом данное положение мнимого представителя находится в сфере контроля «представляемого», вследствие деятельности (действия или бездействия) которого видимость стала возможна. Защита видимости полномочий возможна при одновременном наличии четырех критериев: собственно видимости, поведения представляемого, поведения представителя и добросовестности третьего лица³, чьи разумные ожидания гарантирует данный институт.

Дела, в которых суд исследует видимость полномочий со ссылкой на нормы

В 2021–2023 гг. ВС РФ выпустил целую серию однотипных решений со схожей фабулой⁴.

² Путем сплошного поиска практики по ссылкам на нормы п. 1 ст. 182 ГК РФ, п. 2 ст. 189 ГК РФ или п. 2 ст. 51 ГК РФ и/или по ключевым словам (например, «на основании доверенности», «из обстановки» и т. д.).

³ См.: Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2018. С. 945–950 (автор комментария к ст. 182 ГК РФ – Е. А. Папченкова); Байгушева Ю. В. Представительство по российскому гражданскому праву. СПб., 2015. С. 171–175.

⁴ Определения ВС РФ от 30 мая 2023 г. № 21-КГ23-4-К5; от 28 февраля 2023 г. № 21-КГ22-10-К5; от 21 февраля 2023 г. № 21-КГ22-11-К5; от 24 января 2023 г.

По обстоятельствам этих дел работник банка, занимавший должность руководителя операционного офиса, принимал от граждан денежные средства с целью открытия для них банковских вкладов и счетов. Впоследствии оказывалось, что работник вклады клиентам не открывал, а деньги присваивал себе.

Нижестоящие суды отклоняли иски граждан о взыскании денежных средств из вкладов на том основании, что в отношении работника возбуждено уголовное дело, следовательно, отсутствуют признаки противоправного поведения самого банка, в связи с чем на последний не может быть возложена ответственность за причинение вреда его работником. ВС РФ, отправляя дела на новое рассмотрение, справедливо указывал, что «договор банковского вклада заключается уполномоченным работником банка, но вопреки интересам своего работодателя..., притом что для самого гражданина из сложившейся обстановки определено явствует, что этот работник действует от имени и в интересах банка» (здесь и далее курсив мой. – М. Р.).

Важно указать роли действующих лиц. Работник банка здесь – мнимый представитель, сам банк – псевдо-представляемый, а гражданин – третье лицо. ВС РФ заключает, что в случае проявления гражданином обычной осмотрительности для целей его защиты считается, что действия неуполномоченного лица порождают обычные правовые последствия представительства, т. е. обязанности перед гражданином возникают непосредственно у банка.

Заметим, что нижестоящие суды приближают поведение представляемого к строгой ответственности работодателя за действия работников (ст. 1068 ГК РФ). Однако, несмотря на ситуативное сходство, два института не стоит смешивать. Видимость полномочий, во-первых, имеет в российском праве договорные последствия, и, во-вторых, не зависит, в отличие от деликта⁵, от факта трудовых отношений между причинителем вреда и ответственным лицом. Даже если

№ 5-КГ22-128-К2; от 22 марта 2022 г. № 78-КГ21-59-К3; от 21 декабря 2021 г. № 5-КГ21-150-К2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Кроме того, как замечает Дебора ДеМотт, любая ответственность возникает непосредственно из собственной небрежности мнимого представляемого, а не опосредованно из-за вредоносного поведения его работника. См.: DeMott D. The Poseur as Agent // Agency Law in Commercial Practice. Oxford University Press, 2016. § 3.11. P. 40.

бы работник, не уполномоченный на заключение договоров вклада, положил деньги в кассу банка, видимость полномочий подлежала бы защите, хотя состав деликта выполнен бы не был. Следовательно, сфера применения доктрины видимых полномочий шире строгой ответственности работодателя за работника.

Кроме того, как указывает сам ВС РФ, в данных делах судами не была учтена более ранняя позиция Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ)⁶. Хотя этот факт вызывает некоторое недоумение, данную серию дел можно рассматривать как развитие позиции КС РФ по спорному вопросу. Обстоятельства указанного постановления аналогичны тем делам, которые спустя несколько лет рассматривал ВС РФ.

Напомним, что КС РФ защитил вкладчиков, установив среди прочего стандарт добросовестности третьего лица на уровне «обычной осмотрительности при совершении соответствующих действий (заключить договор в здании банка, передать денежные суммы работникам банка, получить в подтверждение совершения операции, опосредующей их передачу, удостоверяющий этот факт документ)».

Исследуемые решения ВС РФ развивают позицию КС РФ по вопросу стандарта поведения третьего лица. Ранее суды воспринимали подход КС РФ неоднозначно: с одной стороны, стандарт «обычной в таких условиях осмотрительности» похож на объективный подход⁷, потому что обычной понимается проверка любым лицом, оказавшимся на месте контрагента. В то же время КС РФ рассуждает о стандарте поведения граждан-вкладчиков, являющихся потребителями и заключающих с банком публичный договор присоединения, и особенности регулирования данного типа договоров составляют основу аргументации постановления. Это обстоятельство дает основание считать, что подход к оценке добросовестности должен рассматриваться как субъективный. При этом при оценке выполнения стандарта подлежат учету не все индивиду-

альные особенности конкретного лица, а лишь нормативно значимые, т. е. те, с которыми норма права связывает определенные последствия, наличие или отсутствие которых влечет разный правовой статус лица⁸.

То, что ВС РФ в своих решениях также использует субъективный подход в изложенном понимании, наиболее отчетливо следует из следующей часто используемой формулировки: «Судами не дано оценки тому, соответствовал ли такой порядок заключения договоров и принятия денег во вклад обычной практике, а если нет, то должно ли это быть известно истцу как потребителю, в частности, явствовало ли это из обстановки, учитывая, что непрофессиональность потребителя предполагается, пока не доказано иное»⁹.

Итак, в рассмотренной серии дел ВС РФ подтвердил и довел до сведения нижестоящих судов более раннюю позицию КС РФ, а также выбрал субъективный стандарт оценки добросовестности действий третьего лица при исследовании критериев защиты видимых полномочий.

Другим примером дела первой категории является недавнее определение ВС РФ, в котором суд квалифицировал отмену доверенности путем внесения записи в специализированный реестр, который ведется нотариусами¹⁰. По обстоятельствам дела представляемый отменил ранее выданную доверенность указанным способом в момент, когда заключенный представителем договор дарения недвижимости проходил процедуру регистрации в Росреестре. Переход права на вещь был зарегистрирован. Суды апелляционной и кассационной инстанции отказали представляемому в иске о признании действий Росреестра незаконными на том основании, что тот не представил доказательств извещения об отмене доверенности представителя, одаряемого и регистрирующий орган, чем нарушил обязанность действовать добросовестно.

ВС РФ отменил данное решение, обратив внимание судов на то, что в абз. 4 п. 1 ст. 189

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 октября 2015 г. № 28-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Такой же вывод см.: Яценко Т. С. Механизм защиты прав добросовестных вкладчиков: современное состояние и перспективы совершенствования // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 36–48. При этом автор замечает, что нижестоящие суды склоняются к применению субъективного критерия.

⁸ См.: Дождев Д. В. Правовое общение: опыт римского права // Европейская традиция частного права. М., 2021. Т. 1. С. 140–204.

⁹ Среди прочего см.: Определения ВС РФ от 25 июля 2023 г. № 5-КГ23-59-К2, от 25 апреля 2023 г. № 21-КГ23-2-К5, от 6 декабря 2022 г. № 21-КГ22-7-К5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение ВС РФ от 14 ноября 2023 г. № 49-КГ23-15-К6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ГК РФ «вводится презумпция уведомления об отмене доверенности всех заинтересованных лиц», в связи с чем неправомерно было требовать от представляемого отдельного извещения контрагента по сделке и регистрирующего органа.

Заметим, что с точки зрения теории права более точной была бы квалификация уведомления путем внесения записи в нотариальный реестр как фикции, а не презумпции¹¹.

Рассматривая решение через призму доктрины видимых полномочий, можно обнаружить, что третье лицо – одаряемый, пыталось воспользоваться нормой п. 2 ст. 189 ГК РФ, в соответствии с которой доверенность сохраняет силу для добросовестных третьих лиц, не знавших о ее отмене. Однако ВС РФ блокирует такую возможность, указывая, что представляемый выбрал публикацию извещения об отмене доверенности в нотариальном реестре и тем самым исключил риск последующих ссылок контрагентов на видимые полномочия. Таким образом, для защиты видимости не хватает как соответствующего поведения представляемого, так и добросовестности третьего лица.

Интересно так же, что коллегия ВС РФ фактически преодолевает более ранние разъяснения Пленума ВС РФ, согласно которым фикция извещения не допускается без одновременного извещения представителя и известных представляемому третьих лиц об отмене доверенности в случаях, когда доверенность была выдана на совершение сделки с конкретным контрагентом¹². Именно такая доверенность на представительство перед конкретным лицом была выдана в данном деле. Несмотря на это суд признал «презумпцию» уведомления.

Доктринальное толкование данного разъяснения сводилось к тому, что в той мере, в какой видимость полномочий и извинительное неведение третьих лиц не могли быть устранены представляемым, действует фикция извещения, предусмотренная п. 1 ст. 189 ГК РФ¹³. В то же время текст ст. 189 ГК РФ с момента появления разъяс-

нений и комментария к ним дважды (в 2016 и 2021 гг.) менялся, что, вероятно, и заставило судей несколько изменить подход к применению упомянутой нормы.

Приведенные дела являются примером точного правоприменения, результатом которого являются законные и обоснованные судебные решения.

Дела, в которых суд исследует видимость полномочий без ссылок на нормы

Важным для анализа примером дела второй категории является решение по делу общества «Които»¹⁴. В нем ВС РФ отменил решение о признании и приведении в исполнение решения иностранного арбитража. По обстоятельствам дела документы («меморандумы»), положенные в основу решения арбитра о взыскании с ответчика денежных средств, подписывал не директор компании-ответчика, а директор материнского общества-единственного участника данной компании. ВС РФ усмотрел в обжалуемом решении нарушение публичного порядка РФ, которое, по мнению суда, заключалось в вынесении арбитражем решения при наличии спора сторон о волеизъявлении ответчика и при отсутствии доказательств сдачи результата работ компанией в отсутствие каких-либо первичных документов, подтверждающих объем затрат компании, и, кроме того, оригиналов меморандумов, что, в свою очередь, противоречит принципам законности, соразмерности взыскания и справедливого судебного разбирательства.

О том, что ВС РФ обсуждает именно видимость полномочий, свидетельствует, например, такой довод: «Арбитр при вынесении решения не установил действительную волю общества, указав лишь на то, что спорные меморандумы были подписаны иным лицом, которое, якобы, выражало интересы ответчика. Однако указанный вывод, по мнению заявителя, был сделан арбитром при отсутствии доказательств, подтверждающих наделение лица, подписавшего меморандумы якобы от имени общества, таким правом, следовательно, в настоящем случае фактически присутствует порок субъекта, который может выражать волеизъявление от имени общества». На то, что ВС РФ в данном деле должен был применить нормы российского права о полномочи-

¹¹ См.: Егоров А. В., Папченкова Е. А., Ширвиндт А. М. Указ. соч. С. 373–377 (автор раздела – А. М. Ширвиндт).

¹² Абзац 2 п. 132 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Егоров А. В., Папченкова Е. А., Ширвиндт А. М. Указ. соч. С. 377 (автор раздела – А. М. Ширвиндт).

¹⁴ Определение ВС РФ от 21 сентября 2022 г. № 306-ЭС22-6854 по делу № А72-14198/2021.

ях из обстановки, справедливо обращает внимание А. В. Егоров¹⁵.

По нашему мнению, в аргументации суда пропущен один элемент. Из довода о спорном характере доказательств, положенных в основу решения арбитра, сам по себе не следует вывод о нарушении таким решением публичного порядка РФ. Выпавшим звеном в силлогизме является как раз подразумеваемое судом отсутствие в данном случае видимости полномочий, подлежащей защите.

При этом, поскольку большая часть решения посвящена публичному порядку, невозможно точно указать, какой именно из критериев защиты видимости был судом не установлен. Потенциально обсуждаемы поведение представляемого и добросовестность третьего лица¹⁶.

Как можно понять из судебного акта, подписанию спорных меморандумов предшествовала встреча, на которой присутствовали все три участника спора о видимых полномочиях. При этом «представляемый», хотя сам и не подписал спорные меморандумы, не возражал против их подписания объективно неуполномоченным директором материнской компании. Можно предположить, что факт отсутствия подписи на документе, составленном по итогам встречи, и стал для ВС РФ решающим, чтобы констатировать, что мнимый представляемый своими действиями выразил несогласие со сделкой (следовательно, не соблюдается критерий поведения), и об этом знало третье лицо, исходя из этого, недобросовестное.

Однако российская судебная практика подтверждает процитированный в решении вывод арбитра, согласно которому «все обстоятельства встречи и предыдущая практика, применяемая Сторонами, указывали на тот факт, что представитель обладал полномочиями», и контрагент не знал о возможном отсутствии полномочий. Действительно, и предшествующая практика взаимодействия сторон¹⁷, и действие материн-

ской компании от имени дочерней без специального уполномочия¹⁸ признаются обстоятельствами, при которых видимость полномочий заслуживает защиты¹⁹. В судебном акте не указаны причины отступления от данной единообразной практики.

Следует заключить, что если бы ВС РФ в данном деле провел хотя бы ограниченный, с учетом разбирательства в кассационной инстанции и специфики спора о принудительном исполнении решения иностранного арбитража, анализ ситуации на ее соответствие критериям видимых полномочий, то, вероятнее всего, вывод о нарушении публичного порядка РФ был бы обратным. Данное решение служит очередным подтверждением необходимости предметного обсуждения условий защиты видимости в каждом деле, по аналогии с составом гражданско-правовой ответственности.

В еще одном примере²⁰ ВС РФ признал незаконным отказ банка в исполнении платежного поручения юридического лица, подписанного от его имени арбитражным управляющим. Сведения о последнем как о руководителе юридического лица сохранились в ЕГРЮЛ и никем не оспаривались, несмотря на то что дело о банкротстве было прекращено более трех лет назад.

Суд указал, что у банка отсутствовали основания сомневаться в законности исполнения управляющим обязанностей директора, а отказ банка исполнять платежные поручения нарушает обязательства перед клиентом и является вмешательством во внутрикorporативные вопросы последнего.

Хотя в основу решения суда положены ссылки на Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ и Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ, не вызывает сомнения то, что суд в данном деле подтверждает практически абсолютную степень публичной достоверности ЕГРЮЛ, которая закреплена в п. 2 ст. 51 ГК РФ. При этом, как известно, даже в случае несоответ-

¹⁵ См.: Егоров А. В. Дело «Които»: полномочия из обстановки, проникновение за корпоративную вуаль, абстрактное принятие долга с одной стороны, публичный порядок Российской Федерации – с другой // Коммерческий арбитраж. 2022. № 2 (9). С. 142–157.

¹⁶ Обстоятельства дела не оставляют сомнений в том, что имели место и сама видимость, и создавшее ее поведение представителя.

¹⁷ См., например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 декабря 2022 г. по делу № А27-14670/2021; Постановление Арбитражного суда

Восточно-Сибирского округа от 31 июля 2018 г. по делу № А33-12873/2017 и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 июня 2014 г. № 1332/14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: Егоров А. В. Указ. соч.

²⁰ Определение ВС РФ от 2 мая 2023 г. № 308-ЭС22-17199. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ствия действительности сведений в ЕГРЮЛ добросовестные третьи лица могут полагаться на данные реестра²¹. Иными словами, публичная достоверность ЕГРЮЛ является частным случаем защиты видимых полномочий.

К сожалению, в решении ВС РФ указанные нормы не упоминаются. В то же время данное дело интересно не относительно элементарным решением, а отношением к доктрине видимости.

Характерной чертой дела является то, что иск о признании лица надлежаще уполномоченным заявил сам представляемый к третьему лицу, которое конклюдентными действиями отрицало данные полномочия. Понятно, что поскольку арбитражный управляющий сохранил полномочия руководителя юридического лица, то о применении видимых полномочий можно говорить лишь условно. Вместе с тем также ясно, что банк как третье лицо отказался исполнять платежное поручение именно в связи с риском последующих признания его недобросовестным контрагентом неуполномоченного лица и утраты денежных средств.

Решение ВС РФ, в котором был бы зафиксирован подход, когда даже самая нетипичная ситуация не является основанием для недоверия данным ЕГРЮЛ со стороны добросовестных контрагентов, сильно бы укрепило реальную публичную достоверность реестра. Формулирование общей позиции без упоминания ст. 51 ГК РФ, в которой указаны свойственные видимости поведение представляемого – с исключением в виде внесения в реестр сведений помимо воли юридического лица – и добросовестность третьих лиц, невозможно.

Смысл выделения данной категории дел заключается в том, чтобы продемонстрировать известную степень случайности итогового решения суда, в котором правовая проблема решается без ссылок на регулирующие непосредственно ее нормы права.

Дела, в которых суд не исследует видимость полномочий, хотя этого требуют фактические обстоятельства

Данную категорию представляет другая серия определений ВС РФ, в которых суд разрешает социально значимую проблему мошенничества с использованием мобильных приложений бан-

ков. ВС РФ при решении дел не применяет нормы о представительстве и не обсуждает критерии видимости, используя в основном подробное описание процедуры заключения договора потребительского кредита из Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ.

Важно, что незадолго до появления первого решения из этой серии было опубликовано Определение КС РФ от 13 октября 2022 г. № 2669-О, в котором суд, отказав в принятии к рассмотрению жалобы по оспариванию конституционности п. 2 ст. 179 ГК РФ, указал: «В большинстве случаев телефонного мошенничества сделки оспариваются как совершенные под влиянием обмана потерпевшего третьим лицом. При рассмотрении таких споров особого внимания требует исследование добросовестности и осмотрительности банков». Однако «сам по себе пункт 2 статьи 179 ГК РФ, устанавливающий основания и порядок признания недействительными сделок, совершенных под влиянием обмана, не может рассматриваться как нарушающий конституционные права». Данное определение КС РФ стало одним из аргументов в серии решений ВС РФ.

Думается, что сама форма решения КС РФ – не постановление, а отказное определение, – является подтверждением того, что оспаривание сделки не является надлежащим способом защиты прав граждан в случае выдачи банком кредита в результате действий мошенников. В ином случае для КС РФ не было бы никаких препятствий к тому, чтобы, по распространенной в последние годы практике, выпустить содержательное постановление с официальным толкованием конституционно-правового смысла ст. 179 ГК РФ.

Применение какого инструмента более точно учитывает обстоятельства данных споров? По нашему мнению, таким является, с некоторыми оговорками, видимость полномочий.

Все решения ВС РФ из приведенной серии следует разделить на две группы.

В первом случае мобильное приложение банка используется мошенником без ведома клиента банка²². К данным отношениям, которые можно квалифицировать как действия под чужим аккаунтом, как ранее указала Е. А. Папченкова, применимы по аналогии нормы о представи-

²¹ Пункт 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

²² Определения ВС РФ от 29 августа 2023 г. № 9-КГ23-10-К1, от 18 июля 2023 г. № 46-КГ23-6-К6, от 16 декабря 2022 г. № 5-КГ22-127-К2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельстве и, в частности, о полномочиях из обстановки²³. Если использовать модель отношений при видимости полномочий, то в данном случае клиент банка – мнимый представляемый, от имени (через аккаунт) которого действует псевдо-представитель, заключает договор с банком – третьим лицом, а затем вскоре выводит полученные деньги на личный счет.

Банк, предъявляя гражданину требование о взыскании суммы кредита, по сути, основывает свои требования на видимых полномочиях лица, действовавшего от имени клиента. В данном случае нельзя признать видимость заслуживающей защиты, поскольку, во-первых, как справедливо указывает ВС РФ, банк не соблюдает стандарт добросовестности: «Действиям банка как профессионального участника этих правоотношений с точки зрения добросовестности, разумности и осмотрительности при заключении договора и исполнении обязательств судами... никакой правовой оценки не дано». Во-вторых, поскольку в данной группе дел речь идет о краже данных, в которой не задействован «представляемый» клиент банка, такие действия сложно отнести к сфере контроля гражданина, поэтому достаточного для защиты видимости поведения здесь установить нельзя.

Последствиями отказа в защите видимости и главными преимуществами применения норм о представительстве по аналогии²⁴ будут заключение сделки с неуполномоченным лицом и применение правил ст. 183 ГК РФ, что означает для клиента банка возможность освободиться от «мошеннической» задолженности, а для банка – право требовать сумму кредита напрямую с мошенника.

Во втором случае клиент банка участвует в своем обмане путем сообщения мошенникам смс-кода из мобильного банка²⁵. Здесь говорить

²³ См.: Папченко Е. А. Действия под чужим аккаунтом : применение норм о представительстве в сети Интернет // Закон. 2020. № 10. С. 34–49.

²⁴ Потенциально можно применять также п. 3 ст. 182 ГК РФ о запрете представителю заключать сделки с самим собой, однако последствие в виде недействительности такой сделки и двусторонней реституции возвращает нас к способу защиты, который в реальности не приводит к восстановлению нарушенных прав пострадавшего клиента банка.

²⁵ Определения ВС РФ от 5 декабря 2023 г. № 19-КГ23-32-К5, от 5 сентября 2023 г. № 18-КГ23-99-К4, от 17 января 2023 г. № 5-КГ22-121-К2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

об аналогии представительства сложнее, поскольку клиент банка знает об использовании аккаунта и даже, пусть под влиянием обмана, дает на это согласие. Действие другого лица под чужим аккаунтом можно увидеть лишь в самом вводе кода мошенником. Теоретический аргумент в пользу применения аналогии и в этом случае состоит в том, что он попадает под несколько универсальных объяснительных моделей представительства, в частности, агентских отношений с характерными дискрецией агента и информационной асимметрией, а также фидуциарности с присущим ей конфликтом интересов²⁶.

Следует признать, что в этом случае критерий поведения представляемого будет выполнен, поскольку своими действиями клиент банка способствовал возникновению видимости. Однако она по-прежнему не будет защищена вследствие недобросовестности банка как третьего лица. ВС РФ обращает особое внимание на нивелирование гарантий прав потребителя финансовых услуг порядком, при котором «все действия по заключению кредитного договора и переводу денежных средств в другой банк на неустановленный счет со стороны потребителя совершены одним действием – путем введения четырехзначного цифрового кода, направленного Банком смс-сообщением».

Таким образом, последовательное применение доктрины видимых полномочий способно обеспечить правовые средства защиты граждан, пострадавших от действий мошенников, путем переноса риска заключения договора с неуполномоченным лицом на банк, не выполнивший повышенный стандарт осмотрительности.

В другом примере, где проблематика видимости не получила должной проработки²⁷, обсуждался вопрос о возврате в наследственную массу квартиры, регистрация прав по которой была осуществлена представителем по доверенности после смерти наследодателя-продавца. Суды нижестоящих инстанций признали переход права недействительным на том основании, что заявление о государственной регистрации перехода права собственности от имени про-

²⁶ Подробнее см.: Каримов Д. А. Сфера применения норм о представительстве : реальность и перспективы // Закон. 2023. № 12. С. 89–99.

²⁷ Определение ВС РФ от 22 марта 2022 г. № 78-КГ21-59-К3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

давца подано его представителем на основании доверенности, утратившей силу в связи со смертью продавца. ВС РФ отправил дело на новое рассмотрение, указав со ссылкой на ст. 551 ГК РФ, что допущенные при регистрации перехода права собственности на спорную квартиру к покупателю нарушения сами по себе не могут являться основанием для признания указанной сделки недействительной.

По нашему мнению, перед судом был именно пример видимости полномочий. Доверенность прекратилась со смертью представляемого, однако об этом факте не знали третьи лица – покупатель по договору купли-продажи и регистрирующий орган. В соответствии с буквальным толкованием ст. 189 ГК РФ, в силу которой обязанность по уведомлению о прекращении доверенности распространяется и на правопреемников доверителя, в случае нарушения данной обязанности, как в рассматриваемом деле, доверенность сохраняла свое действие для добросовестных третьих лиц. В таком случае решение было бы однозначным и оспорить регистрацию перехода права для наследника²⁸ стало бы невозможным. Но ВС РФ не опирается на упомянутую норму и не обсуждает видимость.

Заслуживает поддержки позиция С. А. Смирнова, критикующего данное решение за игнорирование нормы о видимых полномочиях²⁹. Единственным доводом в пользу позиции суда может являться то, что на новом круге рассмотрения выяснилось, что подпись продавца как на доверенности, так и на договоре была подделана³⁰, что, вероятно, предполагали судьи при рассмотрении дела. Впрочем, сложность факты дела не повод не ссылаться на применимые к спору нормы права.

В приведенных примерах неиспользование доктрины видимых полномочий не привело ВС РФ к несправедливым решениям, однако лишило суд возможности предложить нижестоящим судам модели аргументированных и догматически точных решений по широко распространенным спорам.

²⁸ Которым в порядке наследования выморочного имущества выступал орган исполнительной власти города федерального значения.

²⁹ См.: Смирнов С. А. Если продавец – мертвец // Вестник экономического правосудия. 2023. № 10. С. 4–15.

³⁰ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 22 июня 2023 г. № 33-14148/2023 по делу № 2-353/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Анализ практики высшей судебной инстанции по проблемам видимых полномочий позволяет сделать несколько выводов.

Решения ВС РФ в данном вопросе не отличаются последовательностью. В делах, где суд квалифицирует отношения как основанные на нормах о полномочиях из обстановки, не проводятся новых правовых позиций, а лишь подтверждаются или уточняются более ранние подходы самого ВС РФ, а также КС РФ. Дела, в которых суд содержательно исследует видимость полномочий без ссылок на соответствующие нормы, характеризуются альтернативной аргументацией, которая далеко не всегда, как в деле общества «Които», приводит к вынесению справедливых решений. Известный уровень случайности итогового решения наблюдается и в делах, где исследование видимых полномочий отсутствует совсем, вопреки фактическим обстоятельствам. Кроме того, в данных спорах отчетливо виден недостаток аргументации решений суда, который восполняется цитированием большого числа второстепенных для конкретного спора нормативных актов.

В завершение укажем, что внимание высших судебных инстанций к спорам о видимости полномочий заслуживает поддержки со стороны юридического сообщества. Задачей юридической догматики на данном этапе может стать уточнение и подробное описание случаев и критериев защиты видимых полномочий, чтобы судьи распознавали данную проблематику в каждом деле, где этого требуют фактические обстоятельства.

Библиографический список

Байгушева Ю. В. Представительство по российскому гражданскому праву. СПб., 2015. 322 с.

Борейшо Д. В. Обзор практики применения норм о полномочиях из обстановки // Закон. 2020. № 10. С. 60–76.

Дождев Д. В. Правовое общение : опыт римского права // Европейская традиция частного права. М. : Статут, 2021. Т. 1. С. 140–204.

Егоров А. В. Дело «Които» : полномочия из обстановки, проникновение за корпоративную вуаль, абстрактное принятие долга с одной стороны, публичный порядок Российской Федерации – с другой // Коммерческий арбитраж. 2022. № 2 (9). С. 142–157.

Егоров А. В., Папченкова Е. А., Ширвиндт А. М. Представительство : исследование судебной практики. М. : Статут, 2017. 383 с.

Каримов Д. А. Сфера применения норм о представительстве : реальность и перспективы // Закон. 2023. № 12. С. 89–99.

Папченкова Е. А. Действия под чужим аккаунтом : применение норм о представительстве в сети Интернет // Закон. 2020. № 10. С. 34–49.

Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2018. 1264 с.

Смирнов С. А. Если продавец – мертвец // Вестник экономического правосудия. 2023. № 10. С. 4–15.

Яценко Т. С. Механизм защиты прав добросовестных вкладчиков : современное состояние и перспективы совершенствования // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 36–48.

Agency Law in Commercial Practice. Oxford University Press, 2016.

References

Baigusheva Yu. V. Representation in Russian civil law. St. Petersburg, 2015. 322 p.

Boreisho D. V. Review of the practice of applying the norms on powers from the situation // Zakon. 2020. No. 10. P. 60–76.

Dozhdev D. V. Legal communication: the experience of Roman law // The European tradition of private law. M. : Statut, 2021. Vol. 1. P. 140–204.

Egorov A. V. The case of «Koito» : authority from the situation, piercing the corporate veil, abstract acceptance of debt on the one hand, the public order of the Russian Federation on the other // Commercial Arbitration. 2022. No. 2(9). P. 142–157.

Egorov A. V., Papchenkova E. A., Shirvindt A. M. Representation: a study of judicial practice. M. : Statut, 2017. 383 p.

Karimov D. A. Scope of application of norms on representation : reality and prospects // Zakon. 2023. No. 12. P. 89–99.

Papchenkova E. A. Actions under someone else's account : application of norms on representation on the Internet // Zakon. 2020. No. 10. P. 34–49.

Transactions, representation, limitation period: article-by-article commentary on Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0] / ed. by A. G. Karapetov. M. : Statut, 2018. 1264 p.

Smirnov S. A. If the seller is dead // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya. 2023. No. 10. P. 4–15.

Yatsenko T. S. The mechanism for protecting the rights of bona fide depositors : the current state and prospects for improvement // Zhurnal rossijskogo prava. 2021, No. 8. P. 36–48.

Agency Law in Commercial Practice. Oxford University Press, 2016.

Высшая школа экономики

Рапопорт М. Ю., аспирант и приглашенный преподаватель департамента частного права, юрист коллегии адвокатов «Монастырский, Зюба, Степанов и партнеры»

E-mail: mrapoport@hse.ru

Поступила в редакцию: 29.01.2024

Для цитирования:

Рапопорт М. Ю. Видимость полномочий: тенденции развития судебной практики (на примере Верховного Суда Российской Федерации) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (57). С. 171–179. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/2/171-179>.

Higher School of Economics

Rapoport M. Y., Post-graduate Student and Visiting Lecturer of the Department of Private Law, Associate at the «Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners».

E-mail: mrapoport@hse.ru

Received: 29.01.2024

For citation:

Rapoport M. Y. Apparent authority: trends in the development of judiciary (using the example of the supreme court of the Russian Federation) // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 2 (57). P. 171–179. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/2/171-179>.